

**КИНЕМАТОГРАФ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВЫСШЕГО ДУХОВЕНСТВА:
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Г. И. ШАВЕЛЬСКОГО**

Фолиева Татьяна Александровна
(г. Москва, Россия)

Статья реконструирует инициативу Г. И. Шавельского о государственном контроле над кинематографом в годы Первой мировой войны. На основе его воспоминаний и дневников Николая II анализируется восприятие кино в церковно-государственной среде и идея его нравственного регулирования.

Георгий Иванович Шавельский (1871–1951) — известный в церковной историографии протопресвитер военного и морского духовенства, деятель высшего церковного управления начала XX века [2]. Его имя связано прежде всего с реформой военного духовенства и участием в ключевых событиях предреволюционной эпохи. Вместе с тем в его наследии присутствует малоизученная инициатива, касавшаяся вопроса государственного контроля над кинематографом. Цель доклада — реконструировать этот небольшой сюжет и определить его значение в контексте церковно-государственных представлений времени.

В Первую мировую протопресвитер находился при Ставке Верховного главнокомандующего, которая сначала находилась в Барановичах Минской губернии, в августе 1915 (после того как Николай II возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего) была перемещена в Могилев. В целом протопресвитер характеризует жизнь в Ставке как «монастырскую» [5, с. 205], «единственным развлечением в Ставке был штабной кинематограф, действовавший дважды в неделю, по вторникам и пятницам» [5, с. 209].

Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич кинематограф не любил, к появлению себя в военной хронике относился снисходительно. В период рождественских святок автор воспоминаний обратился к Верховному глав-

нокомандующему с предложением посетить кинематограф, отметив, что в этот день ожидался показ особенно интересных картин. В ответ Верховный, обращаясь к своему брату Петру, в полушутливой форме сообщил о «распоряжении» отца Георгия отправиться на сеанс. В результате оба великих князя в тот вечер действительно присутствовали на кинематографическом показ [5, с. 210].

После переезда Ставки в Могилев, увеличивается ее штат, кроме того, вместе с Николаем II прибыла свита. Отец Георгий вхож ко двору, присутствует на обедах у Николая II и может с ним беседовать.

Если судить по дневникам, Николай II часто посещал кинематограф. Так в 1915–1916 гг. он посетил кинематограф не менее 110 раз. Он практически не упоминает название кинокартин, а его комментарии сводятся к кратким характеристикам: «очень интересный», «очень интересные ленты войны и даже боев», «был очень хороший кинематограф» и т.д. [1, с. 574, 575, 614]. Жизнь Императора, его семьи и двора неоднократно фиксировалась на киноленту: «демонстрировались специально отобранные кадры частной жизни царской семьи (например, ее пребывание на яхте «Штандарт»), официальных церемоний (открытие имперских памятников, встречи глав государств), военных хроник (парады в высочайшем присутствии, смотры войск) и церковных празднований (Пасха, молебны, водосвятия при участии членов императорской фамилии)» [3, с. 33–34]. При этом власть не имела свои киностудии (все они были в частных руках) и не задумывалась об использовании кинематографа как важного пропагандистского инструмента.

В своих воспоминаниях протопресвитер Георгий приводит несколько «small talk» с царем, для того чтобы последующие поколения лучше понимали «особенности личности Государя» [5, с. 492]. Один из разговоров касается кинематографа, отец Георгий указывает, что «перед самой войной начал завоевывать огромные симпатии широкой публики кинематограф. Это замечательное изобретение могло бы служить самым высоким задачам общественной и государственной жизни. К сожалению, оно оказалось в руках торгашей, которые, преследуя одну цель – наживу, сделали его орудием для игры на самых низменных чувствах толпы» [5, с. 492].

Здесь он не совсем точен, первый российский фильм вышел в 1908 году, именно с этого момента кинематограф получил огромную популярность среди населения. При этом, несомненно, качество кинолент очень часто вызывало вопросы, однако, существовали компании, которые стремились поднять киноискусство на новую высоту, экранизировали классику и развивали научно-учебные направления кино. Например, киностудия Александра Алексеевича Ханжонков сняла фильм о вреде пьянства. В 1913 году «с разрешения высокопреосвященного Никандра, епископа Нарвского, 6 и 13 октября» фильм демонстрировался в Екатерининском деревянном храме, «окна храма были закрыты ставнями. В иконостасе, вместо свечей, поставлен кинематографический аппарат, позади был закрыт зелеными ширмами. Перед открытием сеанса доктор Вербицкий произнес блестящую речь против алкоголя, по окончании которой публика его благодарила. Программа картин составлена из 4-х частей, очень интересен и в высшей степени научен» [4]. Этот сеанс свидетельствует о том, что не все частные киностудии выпускали ленты, которые «стали школой разврата» [5, с. 492],

что церковь стала понимать и принимать образовательную функцию кинематографа, что научные и учебные фильмы вызывали в обществе интерес.

Можно предположить, что за критикой кинематографа, отец Георгий скрывал другую свою идею: «государственная власть должна была обратить самое серьезное внимание на это и так или иначе пресечь развращающее влияние кинематографа» [5, с. 492] – органы власти должны контролировать кинематограф и иметь свои инструменты управления кинопроизводством. Император Николай II поддержал инициативу: «Это совершенно верно! Кинематограф, показывая по большей части сцены грабежа, воровства, убийств и разврата, особенно вредное влияние оказывает на нашу молодежь... Я с вами совершенно согласен, – закончил Государь, – что в отношении кинематографа надо что-то предпринять. Я подумаю об этом» [5, с. 492–493]. Через пару месяцев Шавельский напоминает о разговоре Николаю II и получает ответ: «отлично помню о нашем с вами разговоре и много думал по поводу его. Когда придет ко мне с докладом министр финансов, я посоветуюсь с ним и тогда примем нужные меры» [5, с. 493]. Но проект не был реализован: «никаких мер в отношении кинематографа до начала революции принято не было» [5, с. 493]. Идея отца Георгия была и несвоевременной – социальная и политическая ситуация уже носила предреволюционный характер и запоздалой – в России сложилась уже система частного кинематографа.

Для отца Георгия Шавельского кино было не только развлечением, но и средством формирования нравственных установок, требующим контроля. Его позиция отражает стремление церковной элиты соотнести новую массовую культуру с традиционными моральными нормами. При этом нравственная оценка Церкви предполагала административные меры со стороны государства.

Литература

1. Дневники императора Николая II / общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацillo. – М. : Польско-сов. изд.-полигр. о-во «Орбита», Моск. фил., 1992. – 736 с.
2. Котков, В. М. Георгий Шавельский – протопресвитер армии и флота Российской Империи / В. М. Котков // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 5. – С. 53–57.
3. Лиманова, С. А. «Царская кинохроника» и экранный образ Николая II: идеологическая трансформация / С. А. Лиманова // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2016. – № 3(107). – С. 33–44.
4. Сине-фоно: журнал синематографии, говорящих машин и фотографии. – 1913. – № 2. – С. 31.
5. Шавельский, Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота / Г. И. Шавельский. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2010. – 701 с.